

в передаче этих сокровенных слов. Видимо, так могла сказать только всепобеждающая сила взаимности этого великого и святого человеческого чувства, достойно пронесенного по долгой и нелегкой жизни.

Поющие словно забыли о нашем присутствии. Они видели и ощущали только себя.

*Я здесь пою так тихо и смиренно
Лишь для того, чтоб услышала ты,
И песнь моя есть фимиам священный
Пред алтарем богини красоты.*

А мы, растерянные и смущенные своим невольным присутствием при этом неожиданном откровении, ничего не могли поделать с собой, кроме того, как, затаив дыхание, восхищенно смотреть на них по-детски широко раскрытыми глазами. Каждый из нас видел этих пожилых людей молодыми, красивыми, и нежно влюбленными. Видел их тот прежний страстный порыв, тот, все решивший шаг навстречу, который навсегда соединил их судьбы.

*Ты, может быть, услышишь серенаду
И из нее хоть что-нибудь поймешь,
И, может быть, поющему в награду
“Люблю тебя” сквозь сон произнесешь.*

С этими словами прозвучал и затих последний аккорд гитары. А мы были уверены, что так оно и будет. Что будет обязательно получен желанный отклик, последует ответное признание и будет достигнута взаимность чувства.

Нам так хотелось этого! Так хотелось верить, что любовь всеильна. Что она может всё! Окрыленные своей молодостью и очарованием незнакомого ранее старинного романа, мы были просто убеждены в правоте нашего общего любимца Максима Горького, который так замечательно сказал, что

*“... Краше солнца -
Нету в мире бога,
Нет огня -
Огня любви чудесней!*

И ничто не поколебало бы тогда нас в этой убежденности. В наступившей тишине кто-то из нас растроганно кашлянул.

Полина Давыдовна молча плакала, прикрыв глаза платком. Потом, извинившись, она вышла на кухню, и никто не решился утешать ее. А Николай Дмитриевич помолчал немного, внимательно и задумчиво оглядел нас и начал рассказывать...

ИСТОРИЯ их, т.е. супругов Семеновых, была и романтична, и трагична одновременно. В их далекой молодости они познакомились зимой на городском катке, который издавна устраивался у стен древнего Псковского кремля, на широкой глади здешней реки Великой. Николай Дмитриевич первый год учительствовал тогда в женской гимназии, а его новая знакомая только что окончила ее. Каждая новая встреча приносила им радость, и оба они ждали их с нетерпением.

А потом здесь же, на льду катка с ними произошел трагический случай, первый в их жизни. В один из вечеров Полина, которая на плохо освещенной дорожке вырвалась вперед, вдруг споткнулась и упала на большой скорости. При этом она сбила своего партнера, невольно ударив его лезвиями своих коньков. Пострадал лишь он, принявший на себя весь ее удар. Девушка же отделалась незначительными ссадинами. С открытыми переломами обеих ног с тяжелым сотрясением, в состоянии болевого шока Николай Дмитриевич был доставлен в городскую больницу.

Долгие месяцы лечения, общая причастность к несчастью и переживания сблизили их еще больше. Несмотря на категорический запрет состоятельных родителей, девушка не бросила его в беде. И это совсем не было ее жертвой или попыткой искупить свою невольную вину. Ее решение было основано на выстраданном чувстве, и Николай Дмитриевич не нашел в себе сил отказаться от своего счастья.

Летом 1913 года они смогли уехать в этот курортный эстонский городок, где обвенчались в православной церкви. Лишившись помощи родителей, молодые начали самостоятельную жизнь и остались здесь навсегда. Последующие война, революция и отделение Эстонии отрезали их и от Пскова, и от России.

Супруги прожили нелегкую жизнь. Освоив эстонский язык, оба работали в местной школе. Стали уважаемыми в городе людьми. Здесь же вырастили и достойно воспитали двоих сыновей,

построили свой дом, который почти уцелел даже в последнюю жестокую войну. А вот их ребята, их милые, хорошие парни ушли с Красной Армией и домой не вернулись. Лишь в конце войны родители узнали, что пропали те без вести в одном из неудачных сражений эстонского стрелкового корпуса под Старой Руссой.

Это стало второй, самой страшной трагедией, посетившей их дружную, трудолюбивую семью. Поседевшим от горя и тяжкого бесконечного ожидания старикам остались лишь фотографии сыновей на стене их навсегда опустевшего дома.

Мы встали и молча постояли около их портретов, всматриваясь в безмятежные открытые лица парней с короткими довоенными прическами. Один из уголков каждой рамки стягивала черная муаровая ленточка. Видимо, надежды на возвращение сыновей у матери уже не осталось.

- А романс? - спросил кто-то из нас.

- Этот романс был очень любим нами еще в молодости, - ответил Николай Дмитриевич. - Мы непременно и с большим чувством пели его на своих студенческих вечеринках. Он чудодейственно облагораживал взаимоотношения молодежи. Ну, а потом его словами я, видимо, заморозил свою будущую супругу, улыбнулся он. - И так заморозил, что на всю жизнь.

- Знали и любили петь этот старинный романс и наши парни, - продолжил, помолчав, Николай Дмитриевич. - Однако никто из них не успел создать свою семью. Учились, студентами были. А потом война проклятая не дала...

... В тот вечер мы искренне, по-сыновьему полюбили этих стариков. Возможно, и они увидели в нас что-то родное, близкое и давно понятное им. Может быть, они заметили в нас какое-то повторение своих сыновей и поэтому всячески старались проявить к нам заботу, передать нам свою неизрасходованную родительскую теплоту и любовь?

Мы же были потрясены всем встреченным здесь: и глубиной взаимного, лучшего человеческого чувства, которое пронесли по жизни эти пожилые люди, и тяжестью их родительского горя, и сознанием их одиночества в старости. Уходя из этого гостеприимного дома, каждый из нас искренне и как мог нежно благодарил его хозяев.

С тех пор, если я вдруг услышу мелодию и слова этого старинного русского романса, на память мне неизбежно приходят те два, до трагической белизны седых человека, их страдающие глаза и слезы взаимной любви и благодарности. К сожалению, о дальнейшей судьбе супругов Семеновых мне ничего не известно...

СПУСТЯ годы, я узнал, что русский романс "Накинув плащ, с гитарой под полою" имеет весьма давнюю историю, насчитывающую более 160 лет.

Он относится к народным песням литературного происхождения, т.е. известен лишь автор его слов, но не музыки. Источник его - стихотворение Владимира Александровича Соллогуба (1813 - 1882) "Серенада", получившее широкое распространение сначала в студенческой среде, а затем и среди городской интеллигенции. В 70 - 80-х годах XIX века слова и мелодия этого романса были известны и очень популярны даже в простом народе.

Несколько слов об авторе этих прекрасных стихов. В.А. Соллогуб - граф, русский поэт и писатель XIX века. Жизнь этого титулованного аристократа по рождению была сравнительно долгой, а литературная слава громкой, но короткой. Было время, когда имя В.А. Соллогуба ставилось рядом с именами Лермонтова и Гоголя даже самим Виссарионом Григорьевичем Белинским, критиком строгим и весьма взыскательным.

В.А. Соллогуб был знаком с Пушкиным, семьей Карамзиных, Гоголем, Вяземским и другими классиками русской литературы XIX века. Писать стихи он начал рано, еще в конце 20-х годов. Однако поэтом не стал и в русскую литературу вошел не как поэт, а как прозаик, автор нескольких повестей и многих рассказов.

Сам В.А. Соллогуб иронически относился к своему "рифмотворству", хотя некоторые из его стихов вскоре после их появления были положены на музыку и стали широко известны еще при его творческой жизни. Одним из таких популярных в народе произведений была его "Серенада", ставшая романсом "Накинув плащ, с гитарой под полою..."

К сожалению, на сцене и радио романс этот в наше время исполняется весьма редко и может быть отнесен к категории

незаслуженно забытых. Не будем удивляться: “Каждому времени - свои песни”. Однако тому, кто знаком с его выразительным содержанием, забываемыми, страстными словами и простой, пожалуй, единственно возможной для него мелодией - он будет памятен всегда. Да и умелое, проникновенное исполнение такого песенного шедевра прошлого редко кого оставит равнодушным. О своем отношении к нему, а также историю простой русской семьи Семеновых в связи с ним, я и хотел поведать в этом рассказе.

Думается, что хотя на смену поколениям романтиков и энтузиастов сейчас приходят новые поколения, в сознание которых ныне усиленно внедряется растлевающая мораль прагматизма, индивидуализма и всеобъемлющих рыночных отношений, никогда не будет окончательно осквернена чистота, нежность и неподкупная сила древнего, как мир, чувства искренней, всепобеждающей любви. Искорку надежды на это в меня вселяет заинтересованное обсуждение истории и судьбы старинного русского романса в Верещагинской гуманитарной школе.

1995 год.

ПРО ТОГО ПАРНЯ

...Жизни и страсти

Без долга нет.

/А.А.БЛОК/

ПЕСНИ, как люди. Они - или долгожители, или век их, к сожалению, невелик. Была ли такой скоротечной и временной жизнь песни “За того парня”? Еще лет пять назад ее часто исполняли по заявкам или брэнчали на гитарах в переполненных электричках и полутемных арках домов длинноволосые парни. Грустный мотив этой песни и искренность заложенного в ней чувства памяти о прошлом и ответственности за мир сегодняшний у меня всегда почему-то входили в конфликт с ее некоторыми глуповато надуманными, для рифмы, словами, вроде тех, что “оба двое - соль земли”.

Мне и сейчас непонятно: зачем в этой песне нужно было представлять сегодняшнего парня сгорбленным и со впалыми щеками? На месте двадцатилетних я бы обиделся. Все-таки молодость сродни красоте и здоровью, и этим она всегда была прекрасна.

Помнится мне, что в наши прошлые времена, даже в тяжелые годы войны, слова песен звучали гораздо бодрее, были по-настоящему молоды, оптимистичны, да и сами они были, пожалуй, более долговечны. Вот и эта песня “За того парня” теперь, к сожалению, стала забываться все больше и больше, как бы уходила в прошлое ...

Я хочу рассказать вам, дорогие читатели, об одном из парней, чья короткая и обычная жизнь была очень похожа на ту, о которой поется в этой песне. Он также ушел на войну и не вернулся домой, как и многие его сверстники. Но именно эта обыденность его судьбы в свое время как-то по-особенному обожгла меня. Она на всю жизнь стала моим мерилем понятия “долг”, исполнять который, я понял, надо просто, без всякого “звона” об этом.

...ДЕТСТВО наше всегда остается в памяти неповторимо милым и добрым, даже если его, по современным понятиям, толком

и не было. Война с ее суровыми законами отняла тогда большую часть причитающихся нам детских радостей. Нам - это трем закадычным дружкам, имевшим к началу войны по 13 -14 лет от роду. Кроме меня, в этой компании были еще два Шурки - Лобашов и Карелин. Все, чем должен был обладать такой "коллектив", у нас было: и сумасбродные мечты, и отчаянная, когда надо, задиристость, и крепкая мальчишеская дружба, и святая верность данному кому-то слову.

Возраста, как видите, мы были тогда еще "не столь зрелого". Однако тяжелым и жарким летом 41-го года все мы трое как-то сразу повзрослели, а осенью мои приятели пошли не в школу, а работать на железную дорогу. Я же учился в третью смену, т.е. с восьми вечера и до поздней ночи, причем в другой школе, т.к. наша уже была занята формирующейся воинской частью. Днем и по воскресеньям, кроме того, осваивал токарное дело в паровозном депо. Иногда нам все же удавалось встретиться, посидеть на бревнах, которые раньше были местом нашего сбора, и поделиться новостями.

Жестокость войны докатывалась до нас с запада в обгорелых, пробитых осколками и пулями вагонов эшелонов с эвакуированными женщинами, стариками и ребятишками из Ленинграда, Пскова, Новгорода, Прибалтики и Карелии. С востока же страны туда торопился нескончаемый поток войск и техники в вагонах и на платформах, не очень-то надежно и наспех замаскированных хвойным и лиственным молодняком.

Эти эшелоны летом, осенью и зимой 41-го года увезли на войну почти всех наших отцов и старших братьев и еще много других мужчин с нашей окраины. В разное время и по-разному мы видели их в коробящихся новых, гимнастерках, непривычно жестких серых шинелях, видели их тревожные и виноватые глаза, их руки, машущие нам из раскрытых дверей теплушек и переполненных тамбуров вагонов. Оставаясь одни, мы не раз с затаенной тревогой смотрели на запад, на его кровавые вечерние закаты, словно говорившие о надвигающейся оттуда всенародной беде.

Последним из соседей ушел на фронт Илья, единственный и старший брат Шурки Карелина. И вот всё, связанное с его

отъездом, как-то по-особенному потрясло меня тогда и до сих пор помнится мне своей необычностью...

...Отца в семье Карелиных не было. Как это случилось, мы не знали, да и не интересовались. Видимо, у мальчишек есть дела и поважнее. Илья вместе с матерью уже давно работал маляром на железной дороге. Помню, как предвоенными летними вечерами, возвращаясь с работы, они всегда останавливались около нашего пруда, образовавшегося на пути небольшого ручья после нескольких дружных воскресников взрослых. На плече измазанной известью и красками куртки Ильи всегда были две маховые кисти - своя и матери - с их длинными и крепкими двухметровыми черенками. Поставив немного, мать обычно уходила домой, а Илья всегда оставался с нами, посиневшими от неумеренного купания пацанами. Он ложился в сторонке и молча смотрел на нас и в вечернее небо.

Что заставляло этого взрослого парня оставаться в нашей галдящей компании? Возможно, он относился к категории "ненаигравшихся", т.е. к тем, у кого детство досрочно закончилось суровой необходимостью пойти на работу, чтобы помочь семье, матери. Из-за молчаливости и необычной застенчивости мы считали Илью странным парнем и не очень-то боялись его. Однако случай раз и навсегда изменил наше отношение к нему.

Как-то раз один из мальчишек с соседней улицы в азарте купания нарушил запрещенную взрослыми зону и, попав в довольно глубокую яму, стал тонуть. Помню, в растерянности мы не сразу поняли тогда, почему Илья, быстро вскочив, схватил в руки свою малярную кисть. "Ему бы нырять, ведь большой все-таки!", - подумалось нам. А он прыгнул с плотины в воду по грудь, сунул в руки отчаянно барахтавшегося пацана крепкий двухметровый черенок своего инструмента и преспокойно подтащил его к берегу, испуганного, с ничего невидящими глазами. С тех пор Ильюшка, хотя по нашим понятиям и оставался, как раньше, чудаковатым парнем, был уже более уважаем нами...

ОДНАКО все это было давно, еще до войны. А в тот декабрьский день сорок первого года мы вдвоем с Юркой Быстровым, эвакуированным из-под Ленинграда и жившем в

нашем доме, пилили за воротами дрова. Еще с осени это стало нашей "мужской" обязанностью. Работа подвигалась быстро, т.к. шестиметровые бревна, год назад привезенные отцом на постройку нового дома, уже основательно просохли, хорошо пилились и удивительно легко кололись. Самым трудным было откопать их из-под плотного сугроба снега. Накатив очередное бревно и для точности разметив его топором, мы уже снова взялись за ручки пилы, как вдруг увидели двух человек, бегущих к нам, вниз по улице.

Впереди бежал какой-то красноармеец с крестом лямок вещмешка на груди. В отчаянно старавшемся не отстать от него мальчишке я сразу узнал Шурку Карелина: ведь вместе было избегано немало. Мы, забыв про работу, оторопело уставились на них, ничего не понимая в происходящем. Они бежали след в след, молча и как-то отчаянно. Вскоре они уже поравнялись с нами. И только тут я понял, что красноармеец, бегущий впереди, - это Ильюшка! Без слов стало ясно, почему и куда бегут братья Карелины.

Я вспомнил, что осенью Илье удалось, наконец, добиться в военкомате своего призыва в армию. Уж очень переживал он тогда, по словам Шурки, что отстал по здоровью от всех ребят-сверстников с нашей окраины. Ну, а теперь, видимо, на фронт?

Мелькнула догадка: его эшелон остановился на нашей станции, и Илья, наверное, отпросился забежать домой, хоть и далеко это было, чуть ли не через весь город. Вроде бы и не столь велик он, а минут двадцать надо бежать в один конец по его заснеженным улицам.

Илья кивнул нам, на бегу повернув голову в сторону наших вытянувшихся физиономий. Шурка бежал сзади него в нескольких шагах. Он здорово устал и уже не дышал, а как-то удушливо хрипел, широко раскрыв пересохший рот. Ноги его в больших, измазанных мазутом валенках часто спотыкались на переметенной снегом дороге. Тогда он еще выше взмахивал своей шапкой, зажатой в правой руке. Вскоре сторбленная вещмешком спина Ильюшки и его тонкие ноги в обмотках, а затем и Шурка, скрылись за углом соседнего дома. Бежать братьям оставалось еще минуты три.

В раздумьи мы вернулись к своему бревну. Хриплое извизгивание пилы удивительно повторяло скрип промерзшего снега и частое дыхание пробежавших мимо ребят. Однако не успели мы отпилить и второй чурбан, как из-за угла вновь выскочил Шурка, бежавший обратно, в сторону станции, а за ним метрах в грех - Илья. По всему было видно, что времени у них было уже в обрез. Они отчаянно бежали в гору, наклонившись вперед. По временам Шурка оглядывался и хрипло выдыхал на ходу:

- Ильюшка, давай! Ильюшка, быстрей!

Он, как ребенка, увлекал за собой старшего брата, торопил его, чтобы тот только успел, не отстал от своего эшелона. Шапку свою он, несмотря на мороз, по-прежнему держал в руке. Пар клубился над его свалявшимися, сырыми от пота волосами.

Илья послушно бежал за ним. Уши его развязанной шапки прыгали на ходу. В руке он держал полупустой вещмешок. Видимо, поделившись с матерью своим дорожным солдатским пайком, он не нашел даже времени, чтобы забросить мешок за спину. Через каждые несколько шагов он, по-детски всхлипывая, оглядывался назад, где метрах в двадцати от него неспоро семеняла ногами их мать, все больше и больше отстававшая от сыновей. Силы покидали ее. Большая черная шаль, наброшенная на ее голову, сбилась, волосы растрепались. Слезы заливали ее лицо, губы что-то шептали. Вскоре она совсем уже не смогла бежать и, безнадежно махнув сыновьям рукой, просто торопливо пошла, устало и часто спотыкаясь. Однако несмотря ни на что, она упрямо торопилась и вскоре также скрылась за поворотом улицы.

...Примерно через час мы снова увидели ее. Вдвоем с младшим сыном она возвращалась домой. Шурка по-детски держал ее за руку; он всхлипывал и шмыгал носом, заглядывая матери в лицо. Неподвижный и какой-то отрешенный взгляд ее пугал. Она строго смотрела перед собой и, не замечая дороги, часто и устало спотыкалась. По всему было видно, что мать все еще была там, на перроне, рядом с нескончаемо длинным воинским эшелонном. Что она и сейчас слышит протяжный, тревожный гудок паровоза, увозящего ее сына на войну...

ЧЕРЕЗ три года после похоронки на Илью, в начале 45-го,

проводила на войну мать и своего младшего сына. Но и тот, к несчастью, не вернулся домой. Погиб Шурка где-то в Восточной Пруссии, успев сообщить матери о том, что получил благодарность Сталина за взятие Кенигсберга. А вскоре после войны умерла она и сама: говорили, что надорвалась на тяжелых путевских работах. Так и не стало этой доброй, работающей семьи. Зловещий смерч войны унес ее вместе с корнями, как и многие тысячи других.

С той поры минуло много лет. Закончилась долгожданной и радостной победой казавшаяся бесконечной война. За год-два вернулись домой все, кто уцелел в жестокой схватке в врагом. Но их, вернувшихся, было на нашей окраине гораздо меньше, чем погибших или без вести затерявшихся на трудных дорогах к Победе.

...Летом 44-го, еще до получения паспорта, накрепко связав свою судьбу с армией, ушел из дому и я. Только через тридцать лет, в Заполярье наступил мой армейский "финиш". Так там и остался тогда. Видно, крепко "врос" в эти заполярные сопки, чем-то похожие на наши предуральские увалы.

За службу свою ничего героического я не совершил. Весть о Победе разбудила меня в курсантском кубрике. Ну а потом я просто выполнял свой солдатский долг. И, говорят, это тоже немало. А без долга, как и без цели, нет жизни. За 30 лет службы все было. Но сознание того, что вместе с Армией и Флотом ты обеспечил Родине эти три десятка лет мира, - вызывает законное удовлетворение.

ПРОШЛЫМ летом, отправляясь за город с утренним поездом в толпе грибников-энтузиастов, я никак не мог предположить, что предстоит мне вновь пережить прошлое, т.е. встретиться с отголоском своего трудного военного детства. А случилось это так.

К вечеру, изрядно устав и промокнув под непрерывно морозящим дождем, я вышел к железной дороге, чтобы успеть к обратному поезду. Определившись по километровым столбам, что иду на север, я пошел к своей станции.

Вот и знакомый железнодорожный мостик, на котором не раз

стучали колеса вагонов, возвращавших меня на Север из отпусков. Подходя к нему, я вдруг заметил за фиолетовой стеной иван-чая деревянную пирамидку с красной звездочкой наверху. Спустился по откосу поближе. Много раз подведенная надпись сообщила:

Ряд. Карелин И.А.

1922 г. - 1942 г.

Все это настолько ошеломило меня, что я встряхнул головой. По фамилии солдат мог быть моим земляком-уральцем. По возрасту?.. Да уж не Илья ли это?.. Вспомнилось, что Шурка тогда рассказывал:

- Илья погиб при бомбежке. Не покинул свой пост. Так командир написал.

Вполне может быть, что это ты и есть, Ильяша Карелин, подвздоночьки застенчивый рабочий паренек из нашего далекого Верещагино. Не у кого наводить справки: ведь там, дома, у тебя никого не осталось. Вполне может быть, что это ты и именно здесь не ушел со своего последнего поста, охраняя под бомбами железнодорожный мостик, который связывал с Россией сражающийся Мурманск...

Я помню, как в отведенные тебе полчаса ты стремился выполнить свой сыновний долг перед матерью: отправляясь на фронт, еще раз обнять ее и отдать свой немудреный солдатский гостинец. Сам того не сознавая, ты все прожитые тобой двадцать лет был человеком долга. И где бы ты ни погиб тогда: на переднем ли крае или на тыловом посту - ты отдал свою жизнь Родине, как верный и любящий сын, не задумываясь, с готовностью отдает свой долг матери. В лихую для нее минуту ты сделал все, что мог, как и миллионы других ее сыновей.

С высоты опыта прожитой жизни я подумал тогда и о его матери, простой русской женщине. Сама того не ведая, никак не планируя свою семейную педагогику, она сумела передать своим мальчишкам настолько сильное чувство долга, что оно безоговорочно слило их жизни в один общий и всепобеждающий народный поток.

Вечная тебе память и слава, мать, сумевшая своей жизнью воспитать сына или дочь человеком долга, человеком дела,

человеком данного ими слова! Именно такие люди всегда прославят и спасут Родину своими подвигами и повседневным самоотверженным, исполнением порученного им дела.

Надолго задержался я тогда у того скромного солдатского обелиска. А на прощанье высыпал на могильный холмик горсть спелой брусники, такой же бордовой и крупной, как и нас на Урале.

...В переполненном пассажирском вагоне почтово-багажного поезда я возвращался ночью домой. От огромных рюкзаков с палатками, надувными лодками и прочими туристскими доспехами молодых мурманчан не было свободного места ни в вагоне, ни в его тамбурах. В полумраке кто-то брэнчал на гитаре, создавая немудреный ритм песен про плато Расвумчорр, куда никогда не приходит весна, и "Про того парня". Несмотря на изрядную усталость и позднее время, против своего обыкновения, я в душе почему-то не осуждал неугомонную молодежь. Видимо, тогда вновь появилась во мне уверенность, что и эти ребята, по сути дела такие же, как и мы в те далекие сороковые годы. Что и они тоже смогут, если потребуется, на деле оправдать надежды своего времени. Молодая поросль, взрослея, всегда перестает гнутья под ветром. Молодость уже покорила целину. Ей покоряются Хибины, Сургут и БАМ. От этой уверенности на душе становилось теплее и как-то надежнее.

Ну, а песня? Пожалуй, она была ко времени и, не прожив долго, сделала свое нужное и полезное дело. Песня эта дала жизнь благородному почину молодежи семидесятых лет работать и за сверстников, не вернувшихся к матерям с полей минувшей войны. Работать рядом с героями прошлых лет в своей бригаде, экипаже, смене, крепким рабочим плечом всегда ощущая их участие в нашем стремительном времени и безмерном счастье мирного труда и созидания, которое спасли они.

1978 год.

ЧИТАЯ "КНИГУ ПАМЯТИ"

*Каждый, кто был верен будущему
И умер за то, чтобы оно было прекрасным,
подобен изваянию, высеченному из камня.
ЛЮ. ФУЧИК.*

ЭТО БЫЛО СЕВЕРО - ЗАПАДНЕЕ МОСКВЫ

В декабре прошлого года исполнилось 55 лет знаменательному событию, которое вошло в историю Великой Отечественной войны как разгром немецко-фашистских войск в битве за Москву. К сожалению, нынешние средства массовой информации, увлеченные предвыборной горячкой и повседневным "окрашиванием в черный цвет" советского периода истории, не нашли времени и места, чтобы вспомнить о Московской битве. А ведь именно здесь, в труднейший начальный период войны решался вопрос: быть или не быть нашему государству, быть нашему народу свободным или впасть в порабощение. Героическими усилиями фронта и тыла у стен советской столицы был впервые развеян тогда миф о непобедимости немецкой армии.

Старшее поколение верещагинцев помнит, что определенный вклад в достижение победы под Москвой внес личный состав 359-й стрелковой дивизии, сформированной в Верещагинском районе осенью 1941 года. На Калининском фронте, прикрывавшем Москву с северо-запада, и состоялось первое боевое крещение этого соединения, значительную часть которого составляли верещагинцы. Здесь, в первой половине декабря, в ходе контрнаступления советских войск, и начался его трудный путь по дорогам войны.

Верещагинцы могут по праву гордиться боевой славой созданной на их земле 359-й Ярцевской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии, но не имеют права забывать тех, кто в ее рядах ценой своей жизни спас Москву, а значит и Родину 55 лет назад. Имена павших в этой битве героев-земляков

представлены во всех тринадцати томах Пермской областной Книги Памяти.

В который раз перечитывая эту книгу скорби, я обратил внимание на запись: **“Похоронен 28 декабря 1941 года в деревне Чухино Старицкого района Калининской области”**, которая сопровождает многие фамилии воинов, павших в рядах 359-й стрелковой дивизии. Она повторяется так часто, что невольно подумалось о возможности трагедии, которая произошла здесь в тот далекий день. Пришлось обратиться к воспоминаниям ветеранов этого соединения, в разное время опубликованным в газете “Заря коммунизма” после трех послевоенных юбилейных встреч с ними в нашем районе.

Особенно подробными и обстоятельными были статьи бывшего помощника командира 1198-го стрелкового полка по МТО (материально-техническому обеспечению) майора в отставке Михаила Степановича Орлова. В составе 359-й дивизии он прошел от Калинина до Бреслау, т.е. от начала до конца ее боевого пути, и вел при этом фронтовой дневник. Однако записи М.С. Орлова, к сожалению, относились, в основном, к другим периодам и событиям.

В конце концов помогла книга “Ордена Ленина стрелковая”, выпущенная Пермским книжным издательством в 1967 году. В ней среди бесхитростных воспоминаний ветеранов 359-й Ярцевской дивизии и удалось разыскать необходимые сведения о первых боях этого соединения на Калининском фронте в декабре 1941 года.

Соответствующую часть рассказа Н.М. Шиврина, бывшего офицера 924-го артиллерийского полка этой дивизии, я приведу дословно:

“...ВЕДЯ ожесточенные бои с противником, наши войска продолжали продвигаться вперед и заняли ряд населенных пунктов. Ипатово, Иванцево, Чухино, Фролово, Васильевка, Ново-Александровск, Брюханово, Степанцево, Подол, Пачурино... Память хранит названия этих сел и деревень, лежащих на пути к старинному русскому городку Старица. От них, к сожалению, остались лишь дымящиеся пепелища, руины и виселицы с телами советских патриотов. В них появились и наши первые братские могилы.

Село Чухино запомнилось мне разыгравшимся здесь кровавым боем. Рядом с нашей 31-й армией, на правом ее фланге, вела упорные бои 29-ая армия. Стрелковая дивизия этой армии, бывшая с нами по соседству, глубоко вклинилась в тыл противника, где была окружена гитлеровскими войсками. Дивизия героически сражалась, чтобы выйти из окружения.

Перед нашей дивизией была поставлена задача - выручить из беды правофлангового соседа. С этой целью был предпринят ряд мер. В подразделения направлялись политработники во главе с начальником политотдела, батальонным комиссаром Сидоренко, его заместителем старшим политруком Одаренко и инспектором политотдела 31-й армии Костроминым.

Штурмовые группы ворвались в село Чухино - крупный и сильно укрепленный узел противника. Завязался неравный бой. Боеприпасы иссякли. Связь прервалась. Многие погибли смертью храбрых. Гитлеровцы окружили остатки одной штурмовой группы и прижали их к сараю. Схватили израненных людей. Затем зверски избив их, они загнали в сарай и заживо сожгли. Мы никогда не забудем эту изуверскую расправу над нашими боевыми товарищами.

Полки наши сражались отчаянно, стараясь вывести из окружения соседнюю дивизию 29-й армии. Вскоре обходным ударом-через деревни Мичково и Климово уральцы ворвались в Чухино и уничтожили там крупные силы противника.

Много наших воинов погибло тогда в бою за деревню Чухино. Смертью храбрых пали командир 1196-го полка подполковник П.С. Хаустович, командиры Кунгуров, Абросимов, Баранов, политработники Мартынов, Поморцев, Алтынцев и многие другие. Немало полегло в том бою пехотинцев и артиллеристов, связистов и минометчиков.”

Горькие слова ветерана подтверждают скорбные строки томов Книги Памяти. Здесь упоминаются и фамилии 15 воинов, призванных Верещагинским райвоенкоматом в 1941 году. Среди них:

Рядовой **Паздников Семен Савельевич**, 1901 года рождения, уроженец деревни Левино Комаровского сельсовета.

Рядовой стрелок **Петровых Петр Леонтьевич**, 1905 года рождения, уроженец села Сепыч.

Рядовой стрелок **Петровых Петр Петрович**.

Рядовой стрелок **Пинаев Степан Иванович**, 1905 года рождения, уроженец деревни Русскино Аникинского сельсовета.

Рядовой ручной пулеметчик **Пинаев Федор Михайлович**, уроженец деревни Зарич Комаровского сельсовета.

Рядовой стрелок **Политов Федор Устинович**, 1912 года рождения, уроженец деревни Пинаево Вознесенского сельсовета.

Рядовой стрелок **Прокашев Петр Алексеевич**, 1901 года рождения, уроженец деревни Сколотни Слободского района Кировской области.

Путин Федор Петрович, 1907 года рождения, уроженец Купцовского сельсовета Верещагинского района.

Рядовой пулеметчик **Пьянков Григорий Михайлович**, 1910 года рождения, уроженец Кривчановского сельсовета.

Рядовой стрелок **Тиунов Иван Погапович**, 1902 года рождения, уроженец деревни Старое Путино Путинского сельсовета.

Рядовой минометчик **Тютиков Иван Григорьевич**, 1911 года рождения, уроженец деревни Кузнецово Путинского сельсовета.

Шатров Иван Антонович, 1912 года рождения, уроженец Запольского сельсовета Верещагинского района.

Рядовой стрелок **Шатров Иван Яковлевич**, 1912 года рождения, уроженец деревни Агафоново Кривчановского сельсовета.

Рядовой **Шатров Федор Яковлевич**, 1916 года рождения, уроженец города Верещагино.

Рядовой стрелок **Шистеров Иван Максимович**, 1904 года рождения, уроженец деревни Васильево Бородулинского сельсовета.

Все они были направлены в 359-ую дивизию Верещагинским райвоенкоматом. Все они погибли в бою, т.е. пали смертью храбрых, и похоронены однополчанами 27 декабря 1941 года в деревне Чухино Старицкого района Калининской (ныне Тверской) области. Пусть знают и помнят об этом родные, близкие, друзья, соседи и просто знавшие их люди. Они могут поклониться могилам павших героев.

Кстати, небольшой старинный городок Старица - центр одноименного района Тверской области. Сам город Старица - это пристань в верховьях реки Волги, в 12 километрах от железнодорожной станции Старица. Станция же расположена на железнодорожной ветке Ржев - Лихославль. Поезда из Москвы к Ржеву отправляются с Рижского вокзала.

Характерно, что трудное боевое крещение частей 359-й дивизии в декабре 1941 года состоялось в местах, связанных с именем А.С. Пушкина. Здесь, в Старицком уезде Тверской губернии, в имениях семьи П.А. Вульф (деревни Малинники, Павловское, Берново, Курово-Покровское) Александр Сергеевич часто гостил в 1827-1829 годах. Здесь им были написаны и прочитаны друзьям 7-я глава романа в стихах "Евгений Онегин" и посвящение к поэме "Полтава", начат "Роман в письмах".

Невозможно не сказать с содроганием о том, что видели наши воины зимой 1941 года в освобожденных от врага деревнях и селах Старицкого района. Об этом в очерке "Такое - не забывается" ветеран 359-й дивизии Н.М. Шиврин вспоминает:

"...СВОИМИ глазами мы видели здесь кошмарные следы хозяйничания фашистов. Освободив от врага село Желудово, мы стали очевидцами страшного зрелища. На улице лежали трупы истерзанных маленьких детей, много малюток были заживо заморожены голенькими. По этим детским трупикам озверелые бандиты ездили, топтали их своими погаными сапожищами, это было ужасное и чудовищное зрелище.

На другой день после освобождения Желудово по селу вели группу пленных гитлеровцев. Пожилая женщина, стоявшая у колодца, признала в этой банде фашиста, который зверствовал в колхозных домах. Оставив ведра, она подбежала к пленным и замахнулась на высокого бандита, на голове которого была шаль, а на сапогах намотаны тряпки. Похож он был на чучело.

- Это он на моих глазах изнасиловал мою дочь и застрелил ее, навзрыд кричала женщина. - Это он схватил из люльки грудного ребенка за ножки и размозжил ему голову о косяк. Растерзать его надо, проклятого зверя!

Бойцы, конвоировавшие пленных, еле удержали измученную горем женщину. Один из них сказал ей:

- Успокойся, мамаша, зверье сполна получит.

Не успокоили женщину эти слова. Она продолжала идти за колонной пленных, посылая им проклятья.

Перед бегством из деревни Брюханово фашисты загнали в сарай более 150 женщин, стариков и детей. Три дня без пищи томилась те в ожидании смерти. Но гитлеровцы не успели учинить кровавую расправу, так как подразделения 1194-го полка нашей дивизии выбили их из деревни и спасли обреченных на смерть людей. Голодные и полураздетые люди выходили из сарая и, увидев своих освободителей, плакали от счастья. Они безмерно радовались вновь обретенной свободе.

Красноармейцы тут же развязывали свои вещевые мешки и, извлекая их содержимое, давали детям и женщинам кто сухари и сахар, кто колбасу и консервы. Стариков угощали махоркой. Всем спасенным была немедленно оказана медицинская помощь”.

Страшны и рассказы крестьян села Чухино о пережитых ими черных днях фашистского ига. Парней и девушек, которые не успели спрятаться, гитлеровцы угнали в Германию. Женщин и стариков, кто хоть чем-то выразил недовольство их “новым порядком”, они замучили и расстреляли.

Спрашны не только зверства, насилия и массовые убийства мирных людей, но и омерзителен сам облик гитлеровца.

- При мне,- рассказывала молодая колхозница,- фашисты в избе оправлялись. Холодно на улице, и потому они не выходили на двор. Меня убирать заставляли.

- У меня в избе,- говорил один дед,- фашист жрет за столом кашу из котелка, а другой снял белье, сел голый рядом с ним, вшей ловит и бьет на столе. Глядеть противно на них.

- Ну и паразиты они,- рассказывала пожилая женщина,- свое грязное белье проклятый пес в мое чистое, для питья, ведро положил. Я ему говорю: “Ведро чистое”, а он смеется и заставляет меня стирать. Опоганили они нас.

- Все украли, грабители,- говорила старушка. - Домашние вещи, детские игрушки- все забрали. Даже трубу самоварную и ту унесли. И еще требуют: “Отдай то, другое”. Говорю: “Нет у меня ничего”. “Не дашь?” - спрашивают и ружье приставляют.

“После того,- рассказывают ветераны,- что мы видели в освобожденных деревнях и слышали от испытанных ужасы людей, сердца наши наполнялись лютой ненавистью к врагу. Со словами: “Смерть немецким оккупантам!” мы шли вперед и мстили фашистам за слезы, горе и муки советских людей”.

Думается, что те из нас, кто сейчас кощунственно сожалеет о нашей победе под Москвой над гитлеровцами, которые якобы несли нам свободу, процветание и западную цивилизацию,- жестоко ошибаются. Эти недалекие, не знавшие войну люди должны знать и понять, что именно наша, пусть очень трудная, но славная и так необходимая здесь победа над фашизмом, спасла мир и их в том числе от целой эпохи бесправного рабства, зверств и последовательного уничтожения.

С тех пор прошло 55 лет. Москва выстояла и победила в этой трудной схватке с врагом. Она отшвырнула фашистские орды от своих стен. Позорной, безоговорочной капитуляцией фашистской Германии закончилась в победном мае 45-го года Великая Отечественная война. Однако битва за Москву в памяти старших поколений навсегда останется не только трагической, но и особенно славной вехой их жизни.

В своем очерке “Декабрь под Москвой” писатель, а тогда фронтовой корреспондент Вадим Кожевников сказал:

- Никогда я еще не видел, чтобы наши люди сражались с таким восторгом и упоением, как это было в декабрьские дни разгрома немцев под Москвой.

Говорят, что на войне нельзя испытать ощущение полного счастья. Неправда! Мы тогда чувствовали себя самыми счастливыми людьми, потому что победа - это счастье. А это была первая большая победа и, значит, первое ощущение огромного, всепокоряющего счастья.

Да, радость нашей победы под Москвой незабываема. Недаром выдающийся советский полководец, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своей книге “Воспоминания и размышления” написал:

“Когда меня спрашивают, что больше всего мне запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву.

В суровых, зачастую чрезвычайно сложных и трудных условиях

наши войска закалялись, мужали, набирались опыта и, получив в свои руки даже минимально необходимое количество технических средств, из отступающей, обороняющейся силы превратились в мощную наступательную силу. Благодарные потомки никогда не забудут огромную организаторскую работу партии, трудовые героические дела советского народа в тот период и ратные подвиги фронтовиков.

Выражая глубокую благодарность всем участникам битвы, оставшимся в живых, я склоняю голову перед светлой памятью тех, кто стоял насмерть, но не пропустил врага к сердцу нашей Родины, столице, городу-герою Москве. Мы все в неоплатном долгу перед ними.”

Уверен, что лучше не скажешь и не сделаешь.

1996 год.

В ОДИН ДЕНЬ ВМЕСТЕ ПОГИБШИЕ

В дни 50-летия Победы в нашем краеведческом музее появились 12 томов Пермской областной Книги Памяти. В каждом из них есть фамилии верещагинцев, павших в боях, умерших от ран и болезней в госпиталях и медсанбатах, пропавших без вести или погибших в фашистском плену. Немного места отведено человеку на страницах этой Книги скорби, всего несколько строчек. Строчек, за которыми - вся его жизнь от начала до конца. Здесь - дата рождения фронтовика, время и место его призыва на защиту Родины, воинское звание и должность, а также часть и соединение, в которых он служил в последний момент. А далее - где, как и когда оборвалась его жизнь для однополчан, где приняла солдата родная или чужая земля.

К сожалению, далеко не о каждом из вошедших в Книгу Памяти есть даже-такие краткие сведения. Но и в тех строчках, которые удалось найти, чтобы написать на этих своеобразных памятниках солдатам, представлены горькие и героические судьбы почти трех тысяч наших земляков, не вернувшихся с полей Великой Отечественной войны. И читать эти, по-военному скупые строки без волнения просто невозможно.

Да, у каждого из тех, кого после войны не досчиталась верещагинская земля,- своя горькая судьба. Однако, в который раз перечитывая Книгу Памяти, я обнаружил, что есть здесь воины-однополчане, погибшие или пропавшие без вести в один и тот же день. О некоторых из таких людей общей судьбы я и хочу рассказать вам.

ПОМНИТСЯ, что зимой 1941-1942 годов в селе Вознесенском нашего района формировался 1109-й пушечный артиллерийский полк. Это было время, когда на фронт была только что отправлена 359-я стрелковая дивизия, первая из тех частей и соединений, которые затем были созданы или переформированы на верещагинской земле. На смену ей, уже закрывшей врагу путь к Москве на Калининском фронте, в Вознесенском появились артиллеристы. Это старинное село, его окрестные поля и леса стали для них местом боевой учебы. Среди тех, кто перед

отправкой на фронт встал здесь под знамя 1109-го пушечного артиллерийского полка РГК (т.е. Резерва Главного Командования), было, как и в 359-й СД, немало верещагинцев, а с ними - люди, приехавшие или эвакуированные к нам и затем призванные Верещагинским военкоматом.

Формирование 1109 пушечного артиллерийского полка (ПАП) продолжалось до весны 1942 года. В апреле он был отправлен на фронт почти одновременно с частями 159-й стрелковой дивизии, которые за минувшую зиму провели у нас свое переформирование.

Как в дальнейшем сложилась фронтовая судьба этой части? Ясно, что ее путь к Победе был нелегок, ведь части РГК перебрасывались на самые трудные участки огромного фронта и в обороне, и в наступлении. Несомненно, что по-настоящему рассказать об этом могли бы только сами артиллеристы 1109 ПАП. Но уже по тому, что в нашей Книге Памяти их фамилии встречаются очень часто, можно понять: личный состав попадал в трагические ситуации нередко. Особенно это относится к 28 июня 1942 года, как к дате потери многих их однополчан, из которых только верещагинцев было шестеро.

В истории Великой Отечественной войны весна и лето 1942 года были характерны большим количеством операций фронтового масштаба. Об этом свидетельствуют и военные мемуары советских полководцев, Маршалов Советского Союза Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского и А.А. Гречко.

При изучении и анализе их бесценного для военной истории содержания стало ясно, что весна и лето 1942 года для наших войск Южного, Юго-Западного и Брянского фронтов были так же трудны и трагичны, как и начало войны. Дело в том, что попытка их наступления в районе Харькова в мае - июне того года окончилась весьма серьезной неудачей. В результате Харьковской катастрофы обстановка на южном крыле советско-германского фронта резко изменилась в пользу противника, который вышел на реку Оскол. Он занял здесь исходное положение, выгодное для нового мощного наступления, в то время как наши войска еще не успели прочно закрепиться на новых рубежах.

Гитлеровский генштаб незамедлительно подготовил новую большую операцию. План ее предусматривал: сначала - окружение и уничтожение советских войск в районе Воронежа, а затем - овладение излучиной Дона, прорыв к Волге и наступление на Северный Кавказ с целью захвата его нефтеносных районов.

Для реализации своих намерений враг сосредоточил здесь группу армий "Юг" с более чем полуторным превосходством над советскими войсками в живой силе и технике. Против нее оборонялись наши Брянский, Юго-Западный и Южный фронты. В состав Брянского фронта (командующий генерал-полковник Ф.И. Голиков) и входила 40-я армия генерал-лейтенанта М.А. Парсегова, которой и был придан 1109-й пушечный артиллерийский полк РГК.

28 июня 1942 года противник силами 4-й танковой, 2-й и 6-й полевых немецких и 2-й венгерской армий нанес мощный удар из района Курска на Воронежском направлении, в стык 13-й и 40-й армий Брянского фронта и за два дня сумел продвинуться в глубину на 40 километров. Часть наших сил, как и под Харьковом, оказалась в окружении. Управление армиями было нарушено, а командование Брянского фронта, имея достаточные резервы (в том числе и артиллерийские) не сумело организовать массированного контрудара.

К исходу 2-го июля противник вообще прорвал оборону на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов, углубившись здесь уже на 80 километров.

Известно, что тяжким последствием этих и других событий лета 1942 года явились в дальнейшем трудные бои за Воронеж, оборона Кавказа, а также оборона Сталинграда, которой закончился первый период Великой Отечественной войны.

Следовательно, напряженными кровопролитными боями, отсчет которых начался именно 28 июня 1942 года, и объясняется то, что в этот день пропали без вести все шестеро наших земляков. Вот их фамилии: **Быстров В.П., Жигун А.Е., Кожевников С.Ф., Котельников И.А., Плотников Г.Л. и Соловьев Г.Е.** Все они были призваны в армию в Верещагино.

Вполне вероятно, что они погибли в оборонительном бою,

но не были похоронены однополчанами, т.к. те вынуждены были отступить. Возможно также, что, будучи ранены и в беспомощном состоянии, они попали в плен и погибли там.

Однако ясно, что все они, оказавшись в трагическом положении, до конца и достойно выполнили свой солдатский долг. Они потеряли связь с однополчанами, но никто из них солдатской клятвы не нарушил.

Книга Памяти дополнительно сообщает нам о них следующие сведения:

Разведчик-наблюдатель ефрейтор **Быстров Владимир Павлович**, 1903 года рождения. Уроженец города Чудово Ленинградской области.

Санинструктор младший сержант **Жигун Александра Ефимовна**, 1922 года рождения. Уроженка села Вознесенское Верещагинского района Пермской области.

Командир орудия рядовой **Кожевников Семен Филиппович**, 1903 года рождения. Уроженец Большесосновского района Пермской области.

Телеграфист рядовой **Плотников Григорий Лазаревич**, 1904 года рождения. Уроженец деревни Красики Очерского района Пермской области.

Разведчик-наблюдатель рядовой **Котельников Иван Андреевич**, 1909 года рождения. Уроженец деревни Утеха Тараксенского сельсовета Пичаевского района Тамбовской области.

Топограф-вычислитель рядовой **Соловьев Григорий Евстафьевич**, 1911 года рождения. Уроженец деревни Новая Александровка Красноармейского района Донецкой области.

Все они люди одной солдатской судьбы. Каждый из них по праву нашел свое место в нашей Книге Памяти, ибо нет в памяти народной солдата, без вести пропавшего, а есть лишь солдат безвестно погибший.

Думается, что фамилия Жигун в нашем селе Вознесенском издавна известна и многим односельчанам. Знали ее ранее и среди коммунистов района. Думается, что Александра Ефимовна Жигун в свои 19 лет встала в армейский строй добровольно, не дожидаясь

мобилизации. Фронтовики знают, насколько трудны были фронтовые обязанности санинструктора роты или батареи. Именно поэтому санинструкторами зачастую назначали крепких мужчин. Именно поэтому поступок вознесенской девушки достоин нашего общего восхищения, а ее гибель – нашей общей скорби и памяти.

К сожалению, мне ничего не известно больше о четверых ее упомянутых здесь однополчанах, но о Владимире Павловиче Быстрове я могу и должен рассказать более подробно, т.к. некоторое время знал его.

Этот интеллигентный во всех отношениях человек был эвакуирован в наш район вместе с женой Александрой Федоровной и сыном-семиклассником Юрием. Это было в августе 1941 года, когда немцы стремительно приближались к Ленинграду.

Отправка в тыл семьи Быстровых, как и других жителей старинного города Чудово, была настолько поспешной, что к эшелону они прибежали, захватив с собой только немного одежды и единственную свою драгоценность – патефон с несколькими пластинками. Многим эвакуированным семьям дал тогда свой безвозмездный кров поселок Верещагино. А Быстровым нашлась комнатка в нашем многодетном доме, хотя одна из комнат его уже была занята лейтенантом Е.Н. Задорожным из 359-й дивизии.

Владимир Павлович Быстров был военным, прошел ранее финскую войну. Не раз его брали на мушку финские автоматчики – “кукушки”, но уцелел тогда человек.

Приехав в Верещагино, он некоторое время работал бухгалтером в Сепычевском сельпо, а зимой 1941 года был призван Верещагинским райвоенкоматом и направлен в село Вознесенское, где формировался 1109-й пушечный артиллерийский полк. Здесь он освоил специальность артиллерийского разведчика-наблюдателя, хотя отлично представлял всю опасность своей будущей службы во фронтовых условиях. В.П. Быстров понимал, что его боевой опыт и достаточная грамотность будут здесь нужны для однополчан.

Помнится также, что перед отправкой Владимира Павловича

на фронт его семья отдала ему и его боевым друзьям свою единственную драгоценность - патефон с пластинками. Сколько раз удалось потом фронтовикам послушать записи тех довоенных песен и старинных романсов в исполнении Вадима Козина, Артура Эйзена и Клавдии Шульженко ?...

Знаю, что было тогда несколько писем уже и с фронта, где с приветами от сослуживцев мужа и отца Быстровым приходили теплые солдатские благодарности "за патефон". А потом - долгое тревожное молчание и, наконец, - горькое известие: "Пропал без вести". Все последующие запросы приносили в семью солдата только этот короткий и непонятный ответ. Так было и при возвращении семьи Быстровых домой, после освобождения города Чудово и ликвидации блокады Ленинграда.

Только благодаря Книге Памяти и сведениям, поступившим для нее из Центрального архива Министерства Обороны удалось чуть приоткрыть эту завесу "без вести" над трагедией солдага. А рассказ о нем и его боевых друзьях, в один день разделивших с ним горький финал фронтовой судьбы, - лишь малая доля нашего долга вечной им благодарности и памяти.

1995 год.

"ПОХОРОНЕН В БАРЕНЦЕВОМ МОРЕ"...

Есть в Пермской областной Книге Памяти такие и подобные им записи. Несомненно, что относятся они к военным морякам, погибшим или умершим от ран на борту корабля. По давней флотской традиции погребение их совершается в открытом море, если корабль находится в более чем однодневном походе. (Вспомните, пожалуйста, содержание старинной матросской песни "Раскинулось море широко"). Существуют и определенные правила выполнения этой скорбной традиции, закрепленные Уставом Корабельной службы ВМФ.

Думается, что в год 300-летия Российского Флота следует отдать долг памяти нашим землякам, погибшим и похороненным в годы Великой Отечественной войны на морских театрах военных действий.

Их, к счастью, немного, т.к. основная часть верещагинцев направлялась тогда райвоенкоматом в сухопутные войска. Почти все наши моряки, упомянутые в Книге Памяти, были призваны и начинали службу еще в довоенное время. Запомним их имена:

Балтийский моряк, старший краснофлотец **Балуев Федор Иванович**, 1916 года рождения, уроженец деревни Новое Савино Бородульского сельсовета. Призван на флот в 1937 году в поселке Верещагино. Погиб в бою 18 ноября 1942 года. Похоронен в водах Финского залива Балтийского моря.

Североморец, старшина 2-й статьи **Шмырин Андрей Дементьевич**, 1922 года рождения, уроженец Очерского района. Погиб в бою 20 января 1943 года. Похоронен в Баренцевом море.

Тихоокеанский моряк, старшина 1-й статьи **Мазунин Иван Меркурьевич**, 1915 года рождения, уроженец деревни Бекени Бородулинского сельсовета. Умер от ран 24 августа 1945 года. Похоронен в Охотском море у острова Шимушир (Курильские острова).

Балтийский моряк, старший политрук **Агафонов Константин Иванович**, уроженец деревни Бараново Кочневского сельсовета. Погиб 18 ноября 1941 года вместе с кораблем в Финском заливе Балтийского моря, между полуостровом Ханко и островом Гогланд при эвакуации частей с военно-морской базы Ханко (Финляндия).

Нельзя не сказать и о том, что есть у наших моряков замечательная и волнующая традиция: проходить с приспущенным флагом район, отмеченный на навигационных картах как место гибели кораблей. Этой традиции придерживаются и все уважающие себя гражданские моряки, т.е. команды торговых, рыболовецких, ледокольных и других флотов и пароходств. Ведь море для всех одно, и оно всегда, как поется в песне, останется морем. А героизм и мужество здесь всегда и всеми уважаемы. Замечательное стихотворение по поводу этой традиции Российского Флота написал когда-то мурманский поэт Владимир Александрович Смирнов:

*Приспущен флаг,
Команда: - Смирно!
К вискам ладони внесены...
Лежат на дне спокойном,
мирном
России верные сыны.*

*Из Ленинграда,
Тулы, Вильно,
Из Омска и Караганды.
Им стал плитою
надмогильной
Трехсотметровый слой воды.*

*Сюда цветов не носят
жены,
Здесь слезы матери
не льют.
Здесь только буйные
циклоны
Им гимны славные
поют.*

*На юте смолкли
разговоры,*

*Летит гудок
в морскую гладь.
Приспущен флаг.
Флаг, за который
И мы готовы
жизнь отдать.*

Другой трогательной флотской традицией стал торжественный выход в море в День Победы делегаций молодых моряков на одном из военных кораблей. Цель такого выхода - опустить на лентах венок цветов или зеленую гирлянду памяти в точке моря с координатами героической гибели военного корабля или героев летчиков морской авиации. Для участия в этом торжественном мероприятии, как правило, приглашаются родные и близкие погибших. Соблюдение этой традиции имеет на флотах огромное воспитательное значение.

Известно, что таким образом на Краснознаменном Северном флоте увековечена память подполковника морской авиации **Бориса Феоктистовича Сафонова**, первого в годы войны ставшего дважды Героем Советского Союза. Приказом командующего КСФ от 28 апреля 1945 года координаты гибели героя (69 градусов 51 минута северной широты, 34 градуса 42 минуты восточной долготы) объявлены координатами мужества.

Здесь, в холодных водах Баренцева моря оборвалась жизнь героя-североморца, грудью закрывшего путь фашистской армаде, которая рвалась к сражающемуся Мурманску. К моменту гибели в неравном бою 30 мая 1942 года на его счету был целый полк уничтоженных фашистских стервятников - 39 вражеских самолетов. И из них 25 он сбил лично и 14 - в группе с товарищами. Он был талантливым командиром 2-го гвардейского истребительного авиаполка, ставшего впоследствии полком имени Б.Ф. Сафонова.

В памяти верещагинцев должны также сохраниться имена других моряков, погибших или пропавших без вести в рядах сухопутных формирований флота - бригадах морской пехоты, морских стрелковых бригадах и т.д., а также в авиационных и

других частях ВМФ. Их вклад в достижение Победы общеизвестен. Они, как и моряки плавсостава, сделали все, чтобы перед всем миром поставить немецкий фашизм на колени.

В Пермскую областную Книгу Памяти помещены имена наших земляков, среди которых моряки:

Матрос **Вахонин Аркадий Алексеевич**, 1917 года рождения, уроженец поселка Верещагино, призванный на флот в 1938 году, пропавший без вести в октябре 1942 года.

Краснофлотец **Десятников Леонид Васильевич**, пропавший без вести в ноябре 1941 года при обороне военно-морской базы на полуострове Ханко (Финляндия).

Электрик краснофлотец **Егоров Евгений Егорович**, 1914 года рождения, призванный на флот в 1938 году, пропавший без вести в 1941 году.

Главный старшина **Калиберда**, призванный на флот в Верещагино, пропавший без вести в ноябре 1944 года.

Курсант электромеханической школы Северного флота, моторист краснофлотец **Пьянков Василий Алексеевич**, 1922 года рождения, уроженец Кривчановского сельсовета. Умер от ран 24 марта 1942 года. Похоронен на острове Соловецкий в Белом море.

Воентехник 2-го ранга **Тетенев Александр Петрович**, 1920 года рождения, уроженец деревни Мосино Зайцевского сельсовета. Погиб в бою 14 ноября 1941 года. Похоронен в местечке Чаргунь (под Севастополем, Крым).

На старом городское кладбище, среди воинов, умерших от ран в Верещагинском эвакогоспитале №2567, похоронены два моряка:

Старший матрос **Карагод Григорий Демьянович** (скончался 3 мая 1943 года);

Матрос **Ефремов Василий Тимофеевич** (скончался 5 апреля 1943 года).

Оба они родились не в нашем районе, но верещагинская земля сделала их нашими земляками. Пусть же она им будет пухом, а их боевая слава и наша память вечными.

Кровью павших героев-моряков освящены боевые знамена кораблей и частей Российского Флота. Они - наша гордость и слава

1996 год.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор этих рассказов надеется на доброжелательное к ним внимание со стороны их читателей. Людям старших поколений, его ровестникам, они могут напомнить о пережитых ими трудных годах войны, которая всем казалась бесконечной. Молодежи, к счастью, не знавшей войны, эти строки, надеюсь, будут способны рассказать о некоторых сторонах этого трагического и героического периода нашего прошлого. Думается, что во имя мира на нашей земле, никто из нас не вправе забывать минувшую войну.

Диапазон событий, представленных здесь, довольно широк по времени и месту их происшествия и последующего описания. (Так уж сложилась судьба автора этих рассказов). Но все эти события имеют свои корни в тех "грозовых сороковых", и повествование о них представляется в неразрывной связи с днем сегодняшним.

Ровесники автора - люди с детством, опаленным войной. Такую отметину в душе своей с годами не сотрёшь и к ней не привыкнешь. Этим людям пришлось взять на себя долю общенародной беды и ее тяжести на фронте и в тылу. На свои плечи они брали эту ношу, забывая о своем возрасте. Так было, потому что иначе быть не могло.

"Дети войны" жили взрослой жизнью отцов и старших братьев. Они повсюду торопились встать в строй защитников Отечества, рядом со взрослыми. Поэтому в представленных здесь рассказах они не могли быть показаны иначе, как вместе, рядом с ними, плечом к плечу. Именно сплав поколений, вместе с братской дружбой советских народов обеспечил нашей Родине Победу на фронте и в тылу той небывалой по напряжению войны.

Победу нашей Родине обеспечил также патриотизм советских людей, выросший из всепобеждающей и великой силы вековой соборности русского народа как старшего брата в семье других народов страны. Эту силу соборности наших предков испытывали на себе все, кто с мечом приходил к ним и с востока, и с запада. В советский период она (соборность) переросла в коллективизм и братскую взаимопомощь, в экстремальных (т.е. крайних) условиях

доходящих до самоотверженности и добровольного самопожертвования людей всех возрастов.

Не было и не могло быть в ту войну у иноземных захватчиков ни Александров Матросовых, ни Николаев Гастелло, ни Викторов Талалихиных. Бессмертные подвиги этих и подобных им героев, многократно повторенные на фронте и в тылу, могли родиться только на чувстве их патриотизма, т.е. великой любви к своему Отечеству и боли за него. Наши соотечественники и современники не вправе умалять, искажать, забывать и предавать это святое и всепобеждающее чувство, без которого немислимо не только величие, но и элементарное существование их Родины.

00-00
Историко - публицистическое издание

Мельчаков Валентин Григорьевич
“ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ”

Рассказы с предисловием и послесловием.
Текст “Об авторе” Е.Ф. Красносельских.

Компьютерный набор и верстка Селиванова Е.А.

Сдано в набор 18.10.2001 г.

Подписано в печать 05.11.2001 г.

Формат 420х600

Усл.печ.листов 14

Печать офсетная. Бумага газетная.

Заказ № 849 Тираж 500 экз.

000 “Печатник”, 2001 г.
617120, Пермская область
г. Верещагино . ул. Энергетиков , 3.
тел/факс (32254) 2-22-91

ООО "Печатник"